

АЛЕКСЕЙ ЛИВЕРОВСКИЙ

Рождение гончей

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6
Л55

Ливеровский А.

Л55 Рождение гончей : [рассказы] / Алексей Ливеровский. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2021. — 191 с. — (Серия «Пальмира — природа»).

ISBN 978-5-517-03501-1

В книгу вошли рассказы Алексея Ливеровского (1903–1989) об охоте и охотничьих собаках.

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Ливеровский А. А., наследники, 2021

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

ISBN 978-5-517-03501-1

СОЛНЦЕВОРОТ

НАЧАЛО ГОДОВОГО КРУГА

Уходит год...

Так утвердил человек, что конец и начало годового круга приходятся на темную пору, когда спит земля, укрытая снегом, и лютует мороз.

Наблюдатели природы — земледельцы, лесники, моряки, охотники и поэты — вспоминают лицо уходящего года.

ДЕНЬ ПОЛУКОРМА

В солнцеворот, когда зима на мороз, а солнце на лето, говорят, поворачивается в берлоге медведь, а для домашнего скота наступает день полукорма — должна быть потрачена только половина запасенного корма.

СЕЧЕНЬ

Не в полночь, не на исходе ночи, а на рассвете крепчает мороз. В годовом круге январь самая холодная пора и рассвет. За то, что смотрит январь и в новый и в старый год, называли его римляне именем двуликого бога Януса.

У нас на Руси именовали этот месяц тоже по характеру, но проще — Сечень.

ТЕПЛО ПОД ВОДОЙ

В глубоких омутах, в черных ямах, покрытые слизью, одна к одной сонно стоят рыбы. Темно под водой, но тепло — теплее, чем на воздухе. Может быть, поэтому не в лесу, не в поле, не на светлых мшагах, а под толстым льдом первым почует весну пегий налим, выйдет на отмель и закрутится в весенней игре — танце просыпающегося солнца.

ПОЮЩИЕ СНЕГА

Слепящий простор, синие тени деревьев, путаница голубых лыжных. Можно пить воздух — утром понемногу, с опаской, днем в полную меру. На рассвете воздух острый, как ледяные иглы, днем, когда согреется, мягче и пахнет талым снегом. Не верьте, что снег — вода, запаха не имеет. Кто бывал в эту пору в поле, знает. Надо уйти подальше в февральские поющие снега. Да, поющие! Солнечным утром снег не по-зимнему шуршит и повизгивает под лыжами, а поет. Поет мелодично и радостно.

ГЛАЗА МАРТА

В полуденные часы среди туч показываются глаза марты. Холодные они, но веселые, с искрой. Глянут вниз, и нестерпимым блеском вспыхнут снега, разбегутся по ним бессчетные огоньки, а тени, резкие голубые тени, спрячутся за стволами деревьев. Больно смотреть в глаза марты. Потому низко, опустив голову, бродит по насту и поет про них краснобровый косач и про них же — про синие глаза марты — изредка спрашивает далекого соперника: «ви-диш-ш-ш-шь?»

ЗИМЕ КОНЕЦ

После звонкой от мороза ночи, после зеленой от стужи зорьки в полдень взлетела над спящими снегами синица. Взлетела на вершину самой высокой осины и суме-

ла увидеть весну. Осмелилась спеть: «Синий день! Синий день! Синий день! Зиме конец!»

Эту песню услышали все, и никто не удивился. Осерчал только ветер сиверик. Дохнул недовольно раз и другой и разошелся. Три дня гуляла, гундела и гремела пурга. Три дня шумела, шелестела и шипела поземка. Синица не испугалась. Оттерпелась в дупле от сиверика и, только унялась погода, вылетела, пригрелась и твердит веснянку: «Синий день! Синий день! Синий день!»

КАПЛЯ

Из снежной подушки на крыше вытекла капля. Пока капля сбегала по карнизу, она несколько раз превращалась в льдинку, но потом набрякла и брызнула на панель. Тотчас, как эхо, по всем улицам разбрызгали весеннюю канитель воробьи.

ПРОТАЛИНКИ

ВЕСЕННИЙ ЗВОН

На заре в садике против открытой форточки запел с прилета зяблик.

В кухне под газовой плитой забренчал кастрюлей еж. Он спал всю зиму в ватнике за шкафом и вышел первый раз.

«Фюи-фюи-фюи-титирвич!» — пел зяблик.

«Динь! Динь! Динь!» — звенел еж.

Спать было невозможно, но никто не сердился, лежали и улыбались. Радовались: пришла весна.

РАЗГОВОР С СОЛНЦЕМ

Озеро посинело и подняло лед. Облачно.

Я знаю, что где-то там, далеко от берега, прямо на льду отдыхают стаи пролетных птиц. Их не слышно, они пасмурничают.

Солнечные столбы опускаются из облачных прогалов и скользят по льду широкими ослепительными пятнами.

Когда сияющий блик приходит к чайкам, они кричат радостно и визгливо, все время, пока не вернется тень.

Замолкли чайки, вдаль уходит солнечная поляна, и вот уже кроншнепы встречают ее томной путевой песней. Еще дальше звонко трубят солнцу лебеди и примолкают, когда гаснут лучи.

Снова бегут по озеру солнечные столбы, и опять кричат птицы.

Так час за часом идет у них разговор с солнцем.

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Серые-серые ольхи выкинули сережки, стали рыжими и пушистыми, когда на редкие островки снежной крупки пошел дождь.

Теплый туман поднялся до рыжих вершин, и там, в легкой дымке, затрепетал вальдшнеп. Он проткнул клювом белесую пелену, вылетел на поляну и радостно цикнул. Тотчас его простую и бодрую песню подхватил певчий дрозд, попробовала повторить зарянка, по-своему переиначил скворец, и нескончаемым ответом, стонущим воркованием загудел косачиный ток в Долгом Мху.

ПЛАЧЕТ БЕРЕЗА

Ветер притих с вечера, а к утру сосны на току совершенно застыли. Оранжевая зорька была чиста, но вечернего большого тепла хватило на всю ночь, и под ногами не хрустело.

Глухарь пел без умолку, словно хотел допеть все, пока не состарилась весна, не растаяли последние блинки снега, не отцвели подснежники, пока не заурчал шумливый козодой.

Я подошел близко. Он показался мне очень большим — черный, гладкий, на гнущем сосновом суку. Стре-

лгать пришлось через вершину не одетой еще березки. Глухарь умер там, наверху, не допев песню, и рухнул в мох.

Тяжело держать в руке грузную птицу, но как она хороша! Сине-зеленые перья на груди, седая изморозь шеи, рыже-коричневые крылья, чистое белое пятнышко у плеча и хвост как траурный веер.

Умерла красивая птица.

Крупная прозрачная капля упала мне на руку. Еще и еще, чаще и чаще. На небе — ни облачка. Откуда же дождь? Плачет березка, роняет капли с перебитых дробью ветвей. Каждое утро он пел здесь, рядом, большой и нарядный.

МОРСКАЯ МЕЧТА

В эти дни малые речушки — песчанки, мельченки, каменки — становятся речками. Вода прибывает, залило в деревне бани, вздулись, как речки, канавы. На высоком берегу стучат молотки и пахнет смолой.

Пусть на Волге и Каме конопатят широкобокие баржи и смолят завозни, здесь, на малых речках, весной любая плоскодонка, похожая на простое корыто, — осколок морской мечты. Шумят вешние воды, и все кажется новым, иным. Мальчишки в мечтах превратились в бородатых пиратов, а бородатые дяденьки — в мальчишек. И тем и другим думается: а что, если сесть в эту лодчонку и плыть, плыть далеко вниз по стремительной и сверкающей дороге половодья? Можно до моря доплыть?

ЖИВЫЕ ЦВЕТЫ

Не богата красками первая половина весны, — светятся только небо и солнце. Бурые поля, голые купы лиственных вершин, море сухой листвы.

И цветет земля в эту пору скупой и неяркой. Первые островки белой ветреницы и синей перелески, на откосах желтые звездочки мать-и-мачехи. Под древесным

пологом всегда в разлуке — далеко один от другого — расцвели кустики таинственного волчьего лыка. И, словно на помощь бледной нашей весне, падают и падают с неба на полую воду живые цветы.

Кряковый селезень остановился с подругой на отдых на тихом плесе лесной речки. Склонив голову, он любуется собой. Зеленая шея с белым колечком, винно-коричневая грудь, седое, со струйчатыми темными линиями брюшко, фиолетовый блеск зеркальца на крыльях. Наряден, красив кряковый селезень в весеннем пере!

Круто завернула стайка связей, сверкнула белыми подкрыльями и села на отмель. И эти самцы одеты ярче спутниц. Клювы голубые, вишнево-рыжие головы в мельчайших черных крапинках, все тело, как чеканным серебром, покрыто дымчатой рябью.

Из канавы у самой деревни выпорхнула парочка чирков-свистунков. До чего щеголеват маленький кавалер! И впрямь живой цветок! Белые линии, словно каемки лепестков, оттеняют роскошь сине-зеленых полосок, протянувшихся от глаз к шее, через багряную головку. Тонок и узорчат рисунок голубых перышек спинки.

Но что это? Неужели на полном припеке, на островке посреди залитого солнцем плеса уцелел кусок снега? Вихрем взвился снежный комочек и улетел, мелькая среди затопленных кустов. Это луток — снежно-белый крохаль...

Живые цветы — и все пестрые, все разные...

ЦВЕТЕТ ЧЕРЕМУХА

Везде светятся яркие кисти черемухи. Не видно ее ни летом, ни зимой, а вот зацвела, и всюду она — в подлеске, на опушке глухого ельника и пенной грядой вдоль канавы.

Простовато пахнет черемуха, но какой это памятный запах! Вдохните глубже пряный, резковатый запах со-